

and Ingushetia: To the 100th anniversary of the Grozny oil industry, 1893–1993]. Moscow, Nedra Publ., 1993, p. 102.

5. Pritula A. F. *Otchet o sostoyanii gornogo promysla v Terskoy oblasti za 1912 god* [Report on the state of mining in the Terek region for 1912]. Vladikavkaz, 1913.

6. Selskiy L. A. Nachalo Groznenskoy neftyanoy promyshlennosti [The beginning of the Grozny oil industry]. *Izvestiya Nauchnogo obshchestva Chechenskoy avtonomnoy oblasti* [News of the Scientific Society of the Chechen Autonomous Oblast]. Groznyy, Chechen-Ingush Book Publ. House, 1930, no. 2.

7. Filkin V. I. *Neftyanaya, gazovaya, neftekhimicheskaya industriya i ee rol v sozdanii proizvoditelnykh sil kommunizma* [The oil, gas, petrochemical industry and its role in creating the productive forces of communism]. Groznyy, Chechen-Ingush Book Publ. House, 1965, p. 48.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И БОРЬБА С НИМ В ПОВОЛЖЬЕ В 1920–1921 гг.

Котельников Алексей Сергеевич, аспирант

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: A.C.Kotelnikov@mail.ru

Рассматриваются особенности политической ситуации, сложившейся в 1921 г. в Советской России. Исследование проводилось на архивных и опубликованных материалах обширного региона страны – Поволжья. Особенностью Поволжья было то, что в отличие от Тамбовской губернии, Украины, Западной Сибири и других регионов страны, в нем не сложился единый центр крестьянского движения. В каждой губернии действовали свои разрозненные повстанческие отряды. Другой особенностью политической борьбы стало серьезное ослабление крестьянских хозяйств, которые не смогли выдержать засуху и неурожай 1921 г., приведшие к голоду и смерти десятков тысяч людей. Самой распространенной формой протеста в тот период в регионе стали крестьянские восстания, охватившие все губернии Поволжья. Особенно ожесточенной была борьба в Пугачевском уезде Самарской губернии, где восставшим крестьянам в мае 1921 г. удалось захватить уездный город Пугачев. Докатилось до Поволжья восстание тамбовских крестьян, так называемая «антоновщина». Несколько отрядов тамбовских крестьян заходили на территорию Пензенской и Саратовской губерний. В Пензенской губернии между частями особого назначения и антоновской бандой произошел жестокий бой. Но тамбовские отряды не получили поддержки со стороны местного крестьянства и поэтому были обречены на поражение. Большую потенциальную угрозу имел мятеж 2-й Туркестанской дивизии Красной армии во главе с Сапожковым, бывшим царским офицером. Причинами мятежа стали плохая организация снабжения, организационная неразбериха, усталость от войны, конфликт между командованием дивизии и политотделом и угроза снятия Сапожкова и его заместителей с занимаемых должностей. Благодаря быстрым и решительным действиям командования и воинских частей Заволжского военного округа мятежу не дали перекинуться на другие воинские части, где царили подобные настроения. Он был подавлен в течение трех дней, а Сапожков был убит.

Ключевые слова: РКП(б), коммунистическая партия, советское правительство, Красная армия, Антанта, части особого назначения, Поволжье, продрозверстка, военный коммунизм, новая экономическая политика, свободная торговля, крестьянство, восстание, политический бандитизм

THE POLITICAL BANDITRY AND FIGHT WITH HIM IN THE VOLGA REGION IN 1920–1921

Kotelnikov Aleksey S., postgraduate student

Astrakhan State University

20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

E-mail: A.C.Kotelnikov@mail.ru

In this author discusses the features of the political situation in 1921 in Soviet Russia. The study was research on archival and published material of a vast region of the country – the Volga region. The peculiarity of the Volga region was the fact that in contrast to the Tambov province, Ukraine, Western Siberia and others regions of the country, it has not formed a unified center of the peasant revolts. There were uncoordinated rebel groups in each province. Another feature of the political struggle has become a serious weakening of peasant households, which were not able to withstand drought and bad harvest in 1921 that led to a hunger and extinction of the tens of thousands of people. The most common form of protest at that time in this region was the peasant revolts that enveloped all the provinces of the Volga region. Especially harden was the fight in Pugachev district of Samara province, where insurgents peasants in May 1921, it managed to capture a Pugachev, the chief town of a district. The Tambov's peasants revolt, the so-called "Antonovshina", reaching to the Volga region. Several groups of the Tambov peasants came to the territory of Penza and Saratov provinces. In Penza province was the fierce battle between the military units of special-purpose and Antonov's bang. But the Tambov groups did not receive the support from the local peasantry and were therefore doomed to a failure. Most of the potential threat was the rebellion of Second Turkestan Division of the Red Army led by Sapozhkov, the former tsarist officer. The reasons of the mutiny became poor organization of supply, organizational confusion, war weariness, the conflict between the command of the division and the political department of the division and the threat of removal Sapozhkova and his deputies from his post. Thanks to quick and decisive action of command and military units of the Zavolzhsky Military District, the revolt not allowed to spread to other military units. The revolt was depressed for 3 days, and Sapozhkov was killed.

Keywords: RCP (B), the Communist Party, the Soviet government, the Red Army, the Entente, the military units of special-purpose, the Volga region, surplus-appropriation system, war communism, the new economic policy, free trade, peasantry, the revolt, political banditry

Бедность, усугубленная голодом, и жесткая продразверстка, поглощавшая большую часть урожая, были главными причинами конфликта крестьянства с советской властью, разразившегося осенью 1920-го г. [7, с. 14]. Этот конфликт власти с большинством населения страны был значительно опаснее для нее, чем военное противостояние с белыми армиями и интервентами из Антанты [4, с. 146]. Но несмотря на многочисленные жалобы с мест, советское правительство продолжало политику принудительной продразверстки, продолжая совершенствовать систему ее сбора [10, с. 83]. Так, в инструкции Сердобского упродкома продовольственным отрядам, действовавшим в уезде по изъятию излишков хлеба, рекомендовалось следующее: «2. По прибытию на место (село, деревня, поселок и т.д.) собрать собрание, разъяснив населению необходимость сдачи зерна. 3. В случае отсутствия таковой отряд тут же приступает к поголовной реквизиции, а в случае явного укрывательства – к конфискации» [12, с. 44].

Параграф четвертый данной инструкции предписывал бойцам продотрядов брать заложниками всех, кто препятствовал вывозу излишков зерна, и отправлять их в уисполком. Продотряды должны были предотвращать спекуляцию, дезертирство и самогоноварение. «Лица, виновные в этом задерживаются на месте и немедленно сопровождаются под охраной в распоряжение подлежащих властей» [1, с. 44].

Одним из центров крестьянских восстаний стало Поволжье. Как видно из «Обращения руководства Сердобского уезда Пензенской губернии к крестьянскому населению», политические страсти в этот период обострились до предела.

«Тов. крестьяне! Ссыпка хлеба прекратилась. Причины установлены. Вы сознательно не хотите давать хлеба. Мы вас спрашиваем: "Кому вы отказываете в этом необходимом куске хлеба?" Вашим же братьям-крестьянам голодных губерний... Уездный исполнительный комитет и продовольственная коллегия ставят в известность как население, так и исполкомы, что не постоят ни перед какими мерами, чтобы спасти тов. голодных крестьян и рабочих, хотя бы для этого потребовалось выслать карательную экспедицию, которая ждет первого приказа, чтобы постоять за спасение революции и тех, которых косит голодная смерть» [12, с. 48].

Жестокость порождала ответную жестокость. Осенью 1920 г. начались массовые крестьянские волнения, усилился политический бандитизм [13, с. 64]. В регионе

крестьянскими возмущениями были охвачены практически все губернии. От нового рецидива гражданской войны серьезно пострадали крестьянские хозяйства. Так, летом 1921 г. в Саратовской губернии, в ходе военных действий было уничтожено около 7 млн пудов хлебопродуктов, разграблен 21 продовольственный склад и т.д. В результате военных действий с обеих сторон погибло более 1000 человек [17]. Особенно сильно пострадал Дергачёвский уезд, а также многие районы Новоузенского, Покровского, Балашовского уездов Саратовской губернии. Эти же уезды вскоре будут фигурировать в сводках как наиболее пострадавшие от голода. В Дергачевском уезде будут зафиксированы случаи людоедства [2, с. 15–20].

В сводках ЦК РКП(б) бандитизм в Поволжье характеризовался как «правоэсеровский, отличающийся особым зверством и жестокостью» [16, л. 7]. Сами по себе плохо вооружённые крестьянские отряды не представляли особой угрозы для государства. Но началась массовая демобилизация Красной армии после разгрома Врангеля. Демобилизованные солдаты, сталкиваясь с несправедливостью продразверстки, часто переходили на сторону восставших [15, с. 255]. Ленин на X съезде признавал, что «демобилизация Красной армии дала повстанческий элемент в невероятном количестве». Так, на заседании Бюро Саратовского губкома РКП(б) 7 марта 1921 г. констатировалось, что влияние большевиков среди местного гарнизона было столь шатким, что, по мнению Бюро, при подходе повстанцев вплотную к городу, часть «неустойчивых элементов могла бы перейти на их сторону» [20, л. 53].

Положение было настолько тревожным, что появление крестьянских повстанческих отрядов в любой момент ожидалось в Саратове. На местный гарнизон рассчитывать не приходилось. Единственной надежной силой зарекомендовавшей себя в этот период стали части особого назначения (ЧОН), формируемые из коммунистов и комсомольцев. В отличие от солдат Красной армии, будущее этих людей полностью зависело от победы советской власти, отступить им было некуда, поэтому чоновцы сражались с повстанцами до конца, не отступали и не бежали с поля боя. Также в срочном порядке для обороны Саратова были мобилизованы курсанты военных училищ [21, л. 30, 37]. Коммунистам Саратова подобными решительными мерами удалось переломить ситуацию в губернии в свою пользу и удержать контроль над ней.

Докатилась до Поволжья волна мощного движения тамбовских крестьян под руководством Антонова. Из информационной записки заведующего секретно-оперативным отделом Саратовской губчека Ермилова от 7 октября 1920 г. видно, какой переполох сделали мелкие отряды тамбовских крестьян на территории Саратовской и Пензенской губерний. «Петроградская коммуна разбежалась до появления банд, и сведений о появлении таковых в ней нет. Известно, что после ухода коммунаров местные крестьяне воспользовались случаем и разгромили все огороды коммунары и теперь, по сведениям непроверенным, приводят коммуны в порядок. В Макарово банды появились 5 октября днем, числом до 200 конницы, обстреляли военкомат, служащие разбежались в окна, после чего бандиты все бумаги сожгли и находились там еще 2–3 часа <...> По прибытии узнали, что здесь создан штаб по постановлению Сердобского уисполкома (Сердобск – это территория Пензенской губернии – *А.К.*). Сердобск объявлен на осадном положении и т.п., паника в виде приказов и т.д. После переговоров с Сердобском решили осадное положение снять, ревкомы упразднить, т.к. никакая опасность Сердобску не угрожает, но тов. Макаров пытался доказать, что это необходимо в связи с продработой и топливной. Мы нашли это излишним, т.к. это несвоевременное решение создает панику среди населения и преувеличенные слухи о бандах» [12, с. 573]. Если бы антоновские отряды были лучше организованы и имели определенный план действий, то они могли бы иметь значительный тактический успех. Но местное крестьянство их, как пришлых, поддерживало вяло [12, с. 575].

В Пензе, как и в Саратове, для борьбы с «антоновцами» и местными восставшими крестьянами создавались ЧОН. В мае 1921 г. между пензенскими ЧОН и отрядом «антоновцев», насчитывающим до 2000 сабель и 1000 штыков, произошёл кровопролитный бой [22, л. 18–20]. Пензенский губком РКП(б) помимо ЧОН сформировал отряд из коммунистов города. Этот отряд совершал рейды по наиболее «горячим» районам губернии. Комиссар отряда, характеризуя отношения большинства пензенских крестьян к большевикам, сообщал: «Настроение крестьян в связи с продкомпанией остается нервным и тревожным <...> По вопросу об отношении крестьян к власти: крестьяне определенно указывают, что существующая Советская власть не рабоче-крестьянская власть, а рабочая, что рабочие всецело взяли крестьян в свои руки и управляют одной страной; эта власть защищает интересы только рабочих, а не крестьян; что крестьяне отдают рабочим последний кусок хлеба, не получая ничего взамен. Особенно эти мысли любят поддерживать кулацкие элементы» [12, с. 376–377].

Неспокойно было в частях Красной армии. В июле 1920 г. в г. Бузулуке вспыхнул мятеж во главе с командиром 2-ой Туркестанской кавалерийской дивизией Сапожковым.

Сапожков был бывшим офицером, перешедшим в 1918 г. на сторону советской власти успешно провоевавшим в качестве командира этой дивизии в 1918–1919 гг. «10 июля дивизия была переброшена в Бузулукский уезд, где должна была довооружиться и идти на Польский фронт. Однако вскоре появилось известие, что Сапожков сменяют на какого-то полковника. Стало известно, что решено оздоровить весь состав дивизии последовательной сменой и назначением новых людей. В дивизии народ, сжившийся со своими командирами в боях, невзгодах двухлетней гражданской войны, такими же мужиками, как и они, но кровью доказавшими свою преданность Республике и трудящимся, заволновался» [12, с. 536]. Так объяснял главную причину мятежа помощник начальника штаба дивизии Хорошилов, перешедший после начала восстания на сторону советской власти. Другой важной причиной мятежа были плохие отношения командования дивизии и Сапожкова, в частности, с политотделом дивизии. По словам Хорошилова, Сапожков объяснял эти нелады следующим образом: «Пришлют молокососов, соскочивших со школьной партийной скамьи с правом учить других, контролировать и арестовывать <...> А где же они были, когда в 18 г. мы выходили с голыми руками против буржуазии, когда окруженные со всех сторон мы боролись против в тысячи раз сильнее врага, когда же коснется дела идти в бой и умирать, эти узколобые псы разбегутся кто куда, и останутся класть головы все те же Сапожков и Зубрев (комбриг дивизии, соратник Сапожкова – А.К.)» [12, с. 536]. Еще одной причиной мятежа Хорошилов называет пьянство Сапожкова. «Сапожков и Зубрев продолжали пьянствовать, причем Сапожков напивался к вечеру, а Зубрев круглые сутки был без сознания, в каком виде и попал в плен под деревней Котлубановкой отряду Штильмана» [12, с. 537].

Самым опасным сигналом для советской власти, на наш взгляд, было то, что часть крестьянства поддержало мятежников. «По имеющимся у нас сведениям, Сапожков пользуется большой популярностью среди своих красноармейцев и среди крестьян Новоузенского уезда», – подчеркивалось в двухнедельной информационной сводке Саратовского губчека за период с 15 июля по 2 августа 1920 г. В своей пропаганде сапожковские агитаторы, используя недовольство крестьян, пытались перетянуть крестьянство на свою сторону. «Идите добровольцами в наши ряды, – говорилось в воззвании Реввоенсовета штаба 1-й Армии “Правды” “Ко всему беднейшему, обиженному и угнетенному крестьянству и рабочему населению Российской республики”, – давайте нам хлеба, фуража и подводы, посылайте к нам ваших сыновей, которых называют дезертирами, и мы их примем как родных братьев!» [12, с. 528].

Опасность сращивания крестьянских восстаний с мятежом крупной регулярной воинской части хорошо понимали в руководстве Красной армии, что явствует из «Записки по прямому проводу Л.Д. Троцкого командующему войсками Заволж-

ского военного округа К.А. Авксентьевскому о ликвидации мятежа Сапожкова» от 28 июля 1920 г.: «Мятеж Сапожкова должен быть ликвидирован как можно скорее. Виновники сверху донизу должны быть беспощадно покараны. В подведомственном Вам районе возможны широкие кулацкие восстания. Предупредить их можно только дав незабываемый урок всем элементам, которые прямо или косвенно поддержали мятеж Сапожкова. Кара должна быть распространена не только на командный состав, но и на солдат» [12, с. 530].

Мятежники выдвинули популярные среди солдат и крестьян лозунги: «Да здравствуют борцы 18 года!», «Долой спецов!», «Долой продкомиссаров!», «Долой золотопогонников, лжекоммунистов, продовольственников!» [1, с. 256–257]. В Бузулуке восставшие учредили свою власть во главе с Сапожковым, а дивизия получила название 1-й Армии «Правды». Стихийность, неподготовленность действия, где наружу вылились обиды измотанных, уставших за долгие годы военных действий людей (многие воевали с 1914 г.), привели к тому, что «получилось у всех такое явление, что никто не знал, что делать и даже не понимал, что получилось из этого восстания» [12, с. 537]. Никакого продуманного заранее плана и оперативности в действиях мятежников не было. В «Докладе уполномоченного РВС 2-й армии Марголина члену РВС армии Уайдлеру об организации политработы в связи с восстанием Сапожкова» от 31 июля 1920 г. говорилось: «Тов. Агафонов, член уездисполкома, и уполномоченный Б. Черниговского района г. Акимов попали в плен к Сапожкову. Там встретили определенно дезорганизованные банды, которые не ведали, что они делают, не подчинялись никакому начальству. Им удалось выяснить, что у Сапожкова имеются кавалерийские части, пехота, передвигаются на мобилизованных 600 подводах. Со стороны красноармейцев слышались выкрики против продработников “Яичники, масленники!”, но не слышно было ни одного антисоветского лозунга» [12, с. 532].

Командование Заволжского военного округа действовало решительно и быстро. С целью скорейшего подавления мятежа были сконцентрированы верные правительству воинские соединения, и в три дня мятежная дивизия была вытеснена из Бузулука и вскоре разгромлена. Сам Сапожков был убит в сентябре 1920 г. в казахских степях [15, с. 257].

В начале 1921 г. на территории Самарской губернии появились отряды генерала Попова, разбитые на территории Оренбургской губернии. Как сообщалось в разведывательной сводке штаба Заволжского военного округа от 1 марта 1921 г.: «По сведениям членов РКП, прибывших на Орлов Гай, находившиеся там при его занятии бандой Попова показали: в банде имеются 2 эскадрона кавалерии по 170 сабель, 5000 пехоты, 75 пулеметов при 10 лентах и 1 трехдюймовое орудие при 50 снарядах, патрон у стрелков ограниченное количество» [12, с. 662]. Такая сила не представляла угрозу для Заволжского военного округа. Но, как и в случае с Сапожковым, опасность исходила от крестьян Пугачевского уезда Самарской губернии. Донесения чекистов и военных контрразведчиков показывали, что в уезде обстановка в начале 1921 г. была накаленной. «По донесению штабрига – 58 от 28 февраля: В Сорочинском районе по линии желдороги Бузулук-Оренбург на почве вывоза хлеба настроение населения возбужденное, в Андросовской и Марьевской волостях – 87–72 верст севернее Пугачева вспыхнуло восстание на почве продовольствия, восставших около 30 человек, к которым примкнуло население; в указанных волостях милиция арестована и обезоружена повстанцами. Захвачен в Марьевке телеграф. Выводы: в связи с появлением банды Попова в Пугачевском уезде восстание упомянутых волостей заслуживает внимания» [12, с. 633].

Весной 1921 г. практически вся территория Самарской губернии была охвачена крестьянскими волнениями. Коммунисты Пугачевского уезда в полном составе были мобилизованы для борьбы с повстанцами. Но сил для подавления восстаний все равно было мало. В информационной сводке Самарской губчека о политическом состо-

янии губернии от 17 мая 1921 г. сообщалось следующее: «В Пугачевском уезде борьба с оперирующими бандами за отсутствием достаточных сил воинских частей крайне затруднительна. В уезде в настоящее время, кроме членов РКП с наличием оружия в 300 штук, никаких сил не имеется» [12, с. 717].

Ревтрибуналы, как правило, выносили самые суровые приговоры руководителям восстаний. Так, например, на заседании президиума Самарского губисполкома 31 мая 1921 г. заслушивался вопрос о вынесении выездной сессией Самарского губревтрибунала в г. Пугачёве в ночь на 29 мая приговора о расстреле нескольких граждан уезда за участие в контрреволюционных восстаниях. По итогам обсуждения было принято единогласное решение отказать приговоренным в кассационной жалобе [18, л. 106]. Антиправительственные крестьянские отряды в Пугачевском уезде действовали до 1923 г. [3, с. 64]. Жестокая борьба между ЧОН и крестьянскими отрядами проходила на территории Бузулукского, Балашовского и других уездов Самарской губернии [1, с. 261].

Многочисленные архивные данные свидетельствуют, что значительное крестьянское повстанческое движение сохранялось на территории Поволжья до осени 1921 г. Так, на территории Самарской губернии ещё в сентябре 1921 г. действовали отряды, насчитывавшие до 530 человек [19, л. 190]. Сила этих отрядов была в недовольстве крестьянства проводимой политикой продразверстки и запретом на свободу торговли. Как только эти основные факторы напряжения в обществе стали ослабевать после X съезда РКП(б) и введения нэпа, стало ослабевать и крестьянское повстанческое движение.

Жесткая система продразверстки и запрет на свободную торговлю порождали недовольство крестьян продовольственной политикой советской власти [8, с. 42]. Яркое это недовольство проявилось сразу же после разгрома Белого движения на фронтах Гражданской войны. Недовольные крестьяне фактически получили союзника в лице демобилизованных солдат Красной армии [23, с. 167–178]. В Поволжском регионе новый этап Гражданской войны, теперь уже с крестьянством, наложился на неурожай 1921 г., приведший к массовому голоду, ставшему катастрофой национального масштаба [14, с. 68–121].

Однако несмотря на массовые протесты и рост повстанческого движения, местные партийные всеми имеющимися силами отстаивали политику «военного коммунизма», с реализацией которой было связано их благополучие и будущие перспективы [5, с. 447–452].

Новая экономическая политика стала проектом высшего руководства партии во главе с В.И. Лениным, сумевшим осмыслить, хоть и с явным опозданием, масштабы грозившей РКП(б) катастрофы и добиться на X съезде РКП(б) замены продразверстки продналогом, а позднее вернуться к свободной торговле [11, с. 142–145]. Первые решения руководства РКП(б) по введению нэпа встречали непонимание, а то и глухое недовольство местных партийных организаций. Происходившие в Поволжье весной – летом 1921 г. крестьянские восстания, принудительные мобилизации крестьян на рыбные промыслы в Астрахань и притеснения ловцов, приводившие к развалу рыбной отрасли региона, подтверждают такое непонимание [9, с. 132].

Как показывают события в Поволжье осенью 1921 г., именно возврат к свободной торговле и отмена продразверстки, а не части особого назначения и пушки, переломили обстановку, предотвратили новый виток гражданской войны и создали условия для экономического возрождения страны [6, с. 75–76].

Список литературы

1. Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. – Куйбышев, 1957. – 289 с.
2. Виноградов С. В. Голод 1921 года в Поволжье: причины, масштабы, последствия / С. В. Виноградов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 3. – С. 12–21.

3. Виноградов С. В. Ликвидация частной промышленности и торговли в конце 1920-х гг. (на примере городов Поволжья) / С. В. Виноградов // Современная научная мысль. – 2014. – № 1. – С. 61–69.
4. Виноградов С. В. О некоторых особенностях реализации новой экономической политики в Поволжье / С. В. Виноградов // Геология география и глобальная энергия. – 2006. – № 12. – С. 144–149.
5. Виноградов С. В. От новой экономической политики к «Великому перелому» (рецензия на книгу В. А. Шишкина «Россия в годы «Великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.)») / С. В. Виноградов // Каспийский регион: политика, экономика культура. – 2013. – № 3 (36). – С. 446–458.
6. Виноградов С. В. Поволжье в годы новой экономической политики: особенности социально-экономического развития / С. В. Виноградов // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. – М., 2014. – С. 66–76.
7. Виноградов С. В. Становление и развитие смешанной экономики в условиях нэпа. 1921–1927 гг. / С. В. Виноградов. – М., 1992. – 17 с.
8. Виноградов С. В. Экономическое развитие Поволжья в период нэпа 1921–1927 гг. / С. В. Виноградов. – Астрахань, 2001. – 141 с.
9. Виноградов С. В. Судьба частного рыбного промысла в Астрахани в 1928–1929 гг. / С. В. Виноградов, Д. К. Батрашев // Вопросы истории. – 2008. – № 2. – С. 130–134.
10. Голанд Ю. Политика и экономика (дискуссии 20-х гг.) / Ю. Голанд // Знамя. – 1990.
11. Красноженова Е. Е. Социальная помощь семьям военнослужащих в Нижнем Поволжье 1941–1945 гг. / Е. Е. Красноженова // Вопросы истории. – 2012. – № 3. – С. 141–147.
12. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы. – М. : Росспэн, 2002. – 944 с.
13. На южном форпосте России. Из истории Управления Федеральной службы безопасности РФ по Астраханской области. 1918–2000 гг.: Документы. Материалы. Воспоминания / Д. К. Батрашев, С. В. Виноградов, В. В. Волков, В. М. Жилинский, В. В. Ишин, А. В. Корноухов, О. В. Лихолет и др. ; под ред. В. Н. Папсуева. – Волгоград : Станица-2, 2000. – 344 с.
14. Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции 1917–1929 гг. / С. А. Павлюченков. – М. : Собрание, 2008. – 464 с.
15. Павлюченков С. А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа / С. А. Павлюченков. – М., 1996. – 302 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17, оп. 11, д. 55.
17. Саратовские известия. – 1922. – 7 июля.
18. Центр документации новейшей истории Саратовской области. – Ф. 1, оп. 1, д. 446.
19. Центр документации новейшей истории Саратовской области. – Ф. 1, оп. 1, д. 915.
20. Центр документации новейшей истории Саратовской области. – Ф. 27, оп. 1, д. 1.
21. Центр документации новейшей истории Саратовской области. – Ф. 27, оп. 1, д. 15.
22. Центр документации новейшей истории Саратовской области. – Ф. 27, оп. 1, д. 313.
23. Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.) / В. А. Шишкин. – СПб : Дмитрий Буланин, 1997. – 398 с.

References

1. *Borba za Sovetskuyu vlast v Samarskoy gubernii* [The struggle for Soviet power in Samara province]. Kuybyshev, 1957, 289 p.
2. Vinogradov S. V. Golod 1921 goda v Povolzhe: prichiny, masshtaby, posledstviya [The famine at the Volga region in 1921: reasons, scale and consequences]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2011, no. 3, pp. 12–21.
3. Vinogradov S. V. Likvidatsiya chastnoy promyshlennosti i trgovli v kontse 1920-gg. (na primere gorodov Povolzhya) [Disposal private industry and commerce in the late 1920 (on the example of the Volga)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2014, no. 1, pp. 61–69.
4. Vinogradov S. V. O nekotorykh osobennostyakh realizatsii novoy ekonomicheskoy politiki v Povolzhe [About some peculiarities of the implementation of the new economic policy in the Volga region]. *Geologiya, geografiya i globalnaya energiya* [Geology, geography and global energy], 2006, no. 12, pp. 144–149.
5. Vinogradov S. V. Ot novoy ekonomicheskoy politiki k “Velikomu perelomu”. Retsenziya na knigu V.A. Shishkina “Rossiya v gody “Velikogo pereloma” v vospriyatii inostrannogo diplomata (1925–1931 gg.)”. [From the new economic policy to “the great turn” (review of the book written by

V.A. Shishkin “Russia during the years of “the great turn” in perception of a foreign diplomat (1925–1931)”). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2013, no. 3, pp. 446–458.

6. Vinogradov S. V. Povolzhe v gody novoy ekonomicheskoy politiki: osobennosti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Volga region during the New Economic Policy: features of socio-economic development]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik modernization during the New Economic Policy]. Moscow, 2014, pp. 66–76.

7. Vinogradov S. V. Stanovlenie i razvitie smeshannoy ekonomiki v usloviyakh nepa. 1921–1927 gg. [The formation and development of the mixed economy during the NEP. 1921–1927 years]. Moscow, 1992, 17 p.

8. Vinogradov S. V. Ekonomicheskoe razvitie Povolzhya v period nepa 1921–1927 gg. [Economic development of the Volga in the NEP period 1921–1927]. Astrakhan, 2001, 141 p.

9. Vinogradov S. V., Batrashev D. K. Sudba chastnogo rybnogo promysla v Astrakhani v 1928–1929 gg. [The fate of private fishery in Astrakhan in 1928–1929]. *Voprosy istorii* [History questions], 2008, no. 2, pp. 130–135.

10. Goland Yu. Politika i ekonomika (diskussii 20-kh gg.). [Politics and Economics (debate 20s)]. *Znaniya* [Knowledge], 1990.

11. Krasnozhenova E. E. Sotsialnaya pomoshch semyam voennosluzhashchikh v Nizhnem Povolzhe 1941–1945 gg. [Social assistance to the families in the Lower Volga region, 1941–1945]. *Voprosy istorii* [History questions], 2012, no. 3, pp. 141–147.

12. *Krestyanskoe dvizhenie v Povolzhe. 1919–1922. Dokumenty i materialy* [The peasant movement in the Volga region. 1919–1922. Documents and materials]. Moscow, Rosspen Publ., 2002, 944 p.

13. Batrashev D. K., Vinogradov S. V., Volkov V. V., Zhilinskiy V. M., Ishin V. V., Kornouhov A. V., Likholet O. V. et al. *Na yuzhnom forposte Rossii. Iz istorii Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti RF po Astrahanskoy oblasti. 1918–2000 gg.: Dokumenty. Materialy. Vospominaniya* [At the southern outpost of Russia. From the history of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Astrakhan region. 1918–2000 gg.: Documents. Materials. Memories]. Ed. by V. N. Papsuev. Volgograd, Stanitsa-2, 2000, 344 p.

14. Pavlyuchenkov S. A. “Orden mechenostsev”. *Partiya i vlast posle revolyutsii. 1917–1929 gg.* [“The Order of the Sword”. Party and power after the revolution. 1917–1929]. Moscow, Sobranie Publ., 2008, 410 p.

15. Pavlyuchenkov S. A. *Krestyanskiy Brest ili predystoriya bolshevistskogo NEPa* [Peasant Brest or prehistory Bolshevik NEP]. Moscow, 1996, 302 p.

16. *Russian State Archive of Social and Political History*, the found 17, inventory 11, case 55.

17. *Saratovskie izvestiya* [Saratov News], 1922, July, 7.

18. *Center for Documentation of the Modern History of the Saratov Region*, the found 1, inventory 1, d.446.

19. *Center for Documentation of the Modern History of the Saratov Region*, the found 1, inventory 1, case 915.

20. *Center for Documentation of the Modern History of the Saratov Region*, the found 27, inventory 1, case 1.

21. *Center for Documentation of the Modern History of the Saratov Region*, the found 27, inventory 1, case 15.

22. *Center for Documentation of the Modern History of the Saratov Region*, the found 27, inventory 1, case 313.

23. Shishkin V. A. *Vlast: politika, ekonomika. Poslerevolyutsionnaya Rossiya (1917–1928 gg.)* [Power: Politics, Economics. Post-revolutionary Russia (1917–1928)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1997, 398 p.